

*П. Н. Базанов**

СМЕНОВЕХОВЦЫ О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

В статье анализируются взгляды идеологов сменовеховства на русскую эмиграцию. Выявлены основные постулаты сменовеховского мифа о русской эмиграции. Проанализированы наиболее яркие и типичные статьи, затрагивающие Русское Зарубежье и эмиграцию в сборнике «Смена вех», в журнале «Смена вех», в газете «Накануне». Излагаются и анализируются наиболее концептуальные идеи сменовеховцев на уровне эмиграция–метрополия. Показано, как основные идеи сменовеховцев повлияли на критику эмиграции в СССР. Особое внимание уделяется ошибкам сменовеховцев в прогнозах будущего русской эмиграции. Затрагивается позиция сменовеховцев по отношению возвращению на Родину и реэмиграции.

Ключевые слова: «Смена вех», сменовеховство, сменовеховцы, русская культура, реэмиграция, возвращенчество, русская эмиграция, Русское Зарубежье.

P. N. Bazanov

THE SMENOVEKHOVTS ABOUT RUSSIAN EMIGRATION

The article analyzes the views of the Smenovekhovstvo ideologists on the Russian emigration. The main postulates of the smenovehovsky myth about the Russian emigration are revealed. Analyzed the most striking and typical articles concerning the Russian Diaspora and emigration in the collection “Smena vekh”, in the magazine “Smena vekh”, in the newspaper “Nakanune”. The most conceptual ideas of Smenovekhovites at the level of emigration-metropolis are stated and analyzed. It is shown how the main ideas of the Smenovekhites influenced the criticism of emigration to the USSR. Special attention is paid to the mistakes made by the Smenovekhites in the forecasts of the future of the Russian emigration. The article touches upon the position of the Smenovekhovets in relation to returning home and re-emigration.

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

Keywords: “Change of landmarks”, smenovekhovstvo, smenovekhovtsy, russian culture, re-emigration, revivalism, russian emigration, Russian Abroad.

Трагическая история сменовеховства уже сто лет изучается в отечественной и зарубежной науке. Название идеологического движения происходит от заглавия сборника «Смена веx», вышедшего в Праге в 1921 г. О сменовеховстве и его лидерах написаны тысячи публикаций, но про их специфическое отношение к русской эмиграции есть только упоминания (например, в фундаментальных монографиях В. К. Романовского о Н. В. Устрялове [17; 18], статьях П. Н. Базанова о сменовеховской периодике [2; 3]). Публицистическая деятельность сменовеховцев началась с напечатания сборника «Смена веx: Июль 1921 г.» и продолжилась в журнале «Смена веx» и в газете «Накануне». Авторами известного сборника выступили: Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и Ю. Н. Потехин. Затем в Париже стал выходить журнал «Смена веx», а в Берлине — газета «Накануне». Среди других идеологов и публицистов сменовеховства стоить выделить В. Н. Львова, А. Н. Толстого, Б. В. Дюшена, В. М. Белова, Г. Л. Кирдецова, И. М. Василевского, А. М. Дроздова, А. Ветлугина и мн. др.

При изучении идеологии сменовеховства основное внимание обычно уделяется анализу их взглядов на революцию, Гражданскую войну, Белое движение, национализацию, обрусение большевизма, единость и нераздельность России, роль русской интеллигенции, но практически не освещается оценка ими таких явлений, как Русское зарубежье и русская эмиграция. Сменовеховские публицисты одними из первых стали использовать термины «эмигрантщина» и «Россия № 2».

Уже в самом сборнике «Смена веx» прозвучала критика русской эмиграции как мирового явления, появления альтернативной культуры зарубежья и политических центров.

Первый тезис, на котором настаивали сменовеховцы: феномен эмиграции — всего лишь жалкое отражение дореволюционной России. Идеолог сменовеховства, публицист, профессор Сергей Сергеевич Лукьянов (1889–1936) писал в «Смене веx» про зарубежные политические идеи:

За это время во всей своей трагичности обнаружился тот гипноз, под воздействием которого развивалась русская общественность в дореволюционный период, вся та нереальность русского политического мышления, которая до сегодняшнего дня так поражает всякого сколько-нибудь внимательного наблюдателя, волею судьбы перенесенного из России в Париж, центр русской эмиграции, с его «новой тактикой» кучки парижских кадет и атактичностью, граничащей с полной прострацией, «Национального съезда» [14, с. 274].

Такою же позицию занимал и общественно-политический деятель, политолог, ученый-микробиолог Сергей Степанович Чахотин (1883–1973), который в своей знаменитой статье «В Каноссу» справедливо замечал о конце всех политических партий России начала XX в.:

Мы глубоко убеждены, что с изменившимися в корне условиями обстановки все партийные группировки дореволюционного времени и первых лет револю-

ции идут в архив истории; эти живые анахронизмы доживают последние годы в эмигрантских кругах [23, с. 356].

Общественно-политический деятель, журналист, адвокат Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин (1875–1937) в «Смене вех» доказывал, что аналогии с поражением Французской революции нереалистичны, возвращение короля не будет, а русская эмиграция живет исключительно прошлым:

Эту-то творческую идею отрицают противники русской революции, применяющие к ней мерку французской. Эмигрировавшая русская интеллигенция объединилась вокруг идей, дорогих ей по воспоминаниям, по ее молодости, по прежним боям и не увидела вовремя, что эти дорогие ей истины стали ложью и тленом пред быстро бегущей жизнью. Сохраняя эту разбитую жизнью часть выдвинутых первою великою революцією идей, нельзя, конечно, усвоить идеи, выдвинутые второю великою революцією. Вторые, развивая первые, часто отменяют их [8, с. 317–318].

Второй тезис сменовеховцев — самообман и политическая маниловщина русских эмигрантов. А. В. Бобрищев-Пушкин с присущим ему талантом высмеивал зарубежную прессу. Даже в свою статью в «Смене вех» он начинал фразой «Третьей революции не будет», в котором пояснял, почему белоэмигранты не вернуться на Родину победителями, а все заклинания о скорой гибели советской власти беспочвенны:

Вот та «низкая истина», которою следует проникнуться вместо тьмы «возвышающих обманов», на которых отводит свою наболевшую душу русская эмиграция. «Не надо разбивать веру хоть в чудо. Пусть люди отдыхают хоть на иллюзиях». Таково мнение, которое слишком часто приходится нынче слышать от тех, у кого довольно хорошие глаза, чтобы оценить положение, но слишком мягкое сердце, чтобы продающему газеты полковнику, служащему в швейцарах князю и бесчисленным просто голодным безработным сказать: «Гражданская война проиграна окончательно. Россия давно идет своим, не нашим путем. Кризис кончился. Положение определилось. Или признайте эту ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России, потому что “третьей России” по вашим рецептам нет и не будет» [8, с. 288].

Особенно доставалось планам по призыванию нового царя. Титул «русский император в зарубежье» сам по себе явление более чем странное. Тем более, что «чаемый государь» Великий Князь Николай Николаевич-младший сам никак не хотел выглядеть посмешищем и не принимал никаких титулов. В прочем это не спасало его от сатиры сменовеховцев:

Николаю Длинному ныне присваиваются нового вида императорско-эмигрантские регалии: вместо шапки Мономаха — колпак с надписью: «подайте мальчику на хлеб, он эмиграцию питает», вместо державы — чашка для Даяния и вместо скипетра — пестик [24, с. 1].

Третий тезис — загнивание, моральное разложение и скорая смерть эмиграции, быстрое растворение в инокультурном и иноязычном мире. Сменовеховцы доказывали омещанивание политических эмигрантов, превращение их в обычных иностранных обывателей. Уже Н. В. Устрялов в одной

из своих ранних работ писал: «Происходит разложение в среде эмигрантского большинства» [21, с. 8]. Сменовеховцы доказывали, что эмиграция быстро превращается в криминальную диаспору. В газете «Накануне» от 11 июня 1924 г. была напечатана редакционная передовица, подписанная «Берлин», — «Эмиграция с пестиком» [24], тону которой позавидовала бы советская пресса. Статью можно классифицировать как классическую работу по разоблачению русской эмиграции — изображая ее агонию и крах, статья может служить образцом для советских публикаций вплоть до периода «перестройки». В ней рассказывалось как в константинопольский период расцвела проституция среди эмигранток: «В Константинополе эмигрантщина научилась торговать белыми рабынями и промышлять женским телом» [24, с. 1]. Странно, что не было сарказма по поводу пресловутых и легендарных тараканьих бегов. Издавались сменовеховцы и над массовым открытием русских ресторанов в Берлине и Париже приписывая им несвойственные функции:

В Европе этот вид «торгово-промышленной» деятельности приобрел иной вид. Поистине, бесчисленны кабаки, содержимые «русскими эмигрантами» с «кабаре» типа лупонаров и лупонарами «кабаретного» типа [24, с. 1].

Высмеивались успехи соотечественников по популяризации водки за рубежом (знаменитые мировые бренды «Смирнофф» и «Гробачефф»). Представителям Русского зарубежья приписывалось криминальное существование за границей:

Бандитизм, вот настоящий род деятельности эмигрантщины во всех местах ее расселения. Бандитизм, до поры до времени прикрывавшийся громкими фразами и неутешными рыданиями, но, наконец, прорвавшийся наружу [24, с. 1].

Решением вопроса эмиграции по мнению сменовеховских публицистов было переселение в Латинскую Америку для ведения фермерского хозяйства.

И единственный «выход» видится для эмигрантщины и для Европы, жаждающей избавиться от двух миллионов паразитов: «Руль» горячо, рекламирует Парагвайские земли, где-то на 20 градусах южной широты, на границах Боливии, Бразилии и Парагвая. Скатертью дорога [24, с. 1].

Проекты сельскохозяйственных колоний русских эмигрантов и коренного русского населения государств-лимитрофов в странах Латинской Америки регулярно разрабатывались в 1920–1930-е гг. Потомки наших соотечественников до сих пор живут в этих государствах. Многие возвращаются на историческую Родину или хотят вернуться в Россию.

Харбинский публицист (бывший губернатор), скрывшийся под псевдонимом А. Арапов, делал неутешительный вывод о судьбе отечественной эмиграции:

А остальная часть эмиграции или гибнет от беспросветной безработицы и нищеты, или умрет постепенно и неуклонно, бездеятельно от угасаний духа и мысли, от безнадежной невозможности приложить духовные силы к какому-либо производительному труду, а иные все еще думают крепкую думу о мести [1, с. 3].

А. В. Бобрищев-Пушкин прочил в «Смене вех», что коммунистическая власть легко переживет эмиграцию:

Пока эмиграция гадает, скоро ли погибнет советская власть, Советская власть может рассчитать довольно точно, скоро ли погибнет эмиграция. Вырванные с корнем из родной земли растения не могут не засохнуть. Некоторым отдельным исключениям пересадка удастся ценою утраты всякой связи с Россиею, но большинство — без пересадки, корнями вверх. Вся такая эмиграция погибнет в несколько лет, если не воссоединится с родиною. Это — неумолимый закон жизни [8, с. 290].

В свою очередь представитель наиболее непримиримой антикоммунистической части эмиграции, лидер «Братства Русской Правды», поэт С. А. Соколов-Кречетов под псевдонимом «Русский эмигрант» писал:

Советская печать вопит на всех перекрестках, что русская эмиграция бессильна, что она потеряла под собой почву, что она разложилась. А рядом с этим какие бесконечные суммы украденного у народа золота швыряются советским правительством на попытки этого разложения! Какая орда чекистов и красных шпионов, тайных и явных, гоняет по всему миру, занятая слежкой за белыми организациями! Сколько устроено за границей «сменовеховских» центров, групп и изданий продажной печати! Если мы, эмигранты, разложились, если мы ни на что не способны и ничем не страшны, то зачем мобилизовать всю эту дорогостоящую ватагу на борьбу с бессильным врагом и зачем усиленно заманивать в Россию ни к чему не способных людей? [19, с. 5–6]

Четвертый тезис — отрицание политического и идеологического характера первой «волны» русской эмиграции. Сменовеховцы всячески подчеркивали материальную причину отъезда из России: на Родине голод, холод, полный крах экономики, поэтому многие и ехали в сытую Европу. Писатель, публицист и фельетонист Вадим Михайлович Белов (1890–1930-е) писал:

Укажем на то обстоятельство, что в основе причин побудивших большинство граждан эмигрировать, несомненно в большой мере лежат причины эгоистические, облеченные в ту или иную форму, так или иначе замаскированные. Выражаясь грубо эти причины можно было бы назвать «шкурными»... Но и в первой категории (идеологической. — П. Б.) большинство все-таки таких, которых двинули в эмиграцию при чины эгоистического характера, как-то потеря положения, власти, имущества и т. д. Если же они, в надежде на возврат потерянного, бросились в активную борьбу, не дожидаясь пока это сделают другие, то тому причиной индивидуальные их свойства [6, с. 15].

Пятый тезис — невозможность служения русских людей любимой Родине — РОССИИ за рубежом. Особый протест у сменовеховцев вызывал призыв к интервенции. Юрист, переводчик, литературовед Александр Самуилович Гурович (1888–1949) также осуждал в статье с символическим названием «Патриоты на-изнанку» [10] призывы к интервенции в среде демократической эмиграции и планы по передаче части территории России иностранным государствам или самопровозглашенным национальным республикам. В другой своей статье он показывает, как эмигранты, призывая к иностранной интервенции, предают Родину:

И теперь повсюду — эмигрантские центры тщательно сохраняют за Собою ампулу прислужников иностранных вождельней, подстрекают всех, кого можно, против России, оправдывают «от ее имени» направленные против нее удары, помогают чужеземным авантюристам, ссылающимся на их голоса, толкать к новым приключениям политику своих государств [11, с. 1].

Тот же А. Арапов рассуждает о бессмысленности и вреде для России и самой эмиграции бесконечных дискуссий о будущем:

А наша эмиграция, — что делала и сделала за это время для родины? Наша эмиграция по всему свету шла на поводу политических шарлатанов, веруя в их лживую и притворную верность, граничащую с предательством. В нелепой надежде помочь восстановлению России через вооружённые интервенции, через боевые организации антисоветских, мнимо-всероссийских государственных образований, она вела Россию по пути к параличу и разрушению, предавая тем самым родину в руки иностранного же капитала. Другая — раздорами, спорами, самооплеванием и разложением сил путем несогласия и борьбы, сведением старых счетов политических партий, а зачастую и просто личных счетов, — все сделала для невозможности содружества и коалиционной работы во спасение родины, — продолжая с упорной злобой отстаивать отжившие старые программы и лозунги различных своих партий. Третья часть эмиграции, неволей или волей, утонула в страстях беспринципной «спекуляции на всем» и в угаре авантюризма в эгоистических целях наживы [1, с. 3].

Сменовеховцы подчеркивали, что за рубежом теряется связь с Родиной. Н. В. Устрялов объяснял свое примиренчество тем, что оставаясь физическим эмигрантом, нельзя духовно слиться Россией. Знаменитый писатель Алексей Николаевич Толстой, защищая стратегию органа сменовеховства и свою позицию, утверждал:

Затем: — задача газеты «Накануне» не есть, — как Вы пишете, — борьба с русской эмиграцией, но есть *борьба за русскую государственность*. Если в периоде этой борьбы газета борется и будет бороться с теми или иными политическими партиями в эмиграции, то эту борьбу не нужно рассматривать как цель газеты, но как тактику, применяемую во всякой политической борьбе [20, с. 2].

Впрочем, Н. В. Устрялов, как лидер правого крыла сменовеховцев порой противоречил сам себе:

Служить России можно, к счастью, не только на ее территории, но и вне ее. Специфическая особенность данного момента (едва ли особенно продолжительного) состоит в том, что русская интеллигентская эмиграция могла бы ныне за границей принести не меньше пользы родине, чем дома. Она должна помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию. Она должна примирить «цивилизованный мир» с новой Россией. — Вот пока наиболее общая и в то же время конкретная формула доступного для эмиграции «примирения» и «сотрудничества» с Москвой — сотрудничества добровольного и независимого [22, с. 11].

И, наконец, шедевр сменовеховской пропаганды — отсутствие за границей творческого развития отечественной интеллигенции, невозможность существования и развития русской культуры, науки, искусства и литературы

в отрыве от родной почвы. В XXI в. совершенно абсурдными кажутся статьи, обличающие культуру русской эмиграции. Профессор С. С. Лукьянов доказывал в статье с символическим названием «Эмигрантская культура» [15] резкое падение уровня соотечественников во всех сферах. В газете «Накануне» совершенно серьезно указывалось, что среди эмигрантов не осталось талантливых людей, все деградировало, в этом смысле характерна статья «Лик зарубежной интеллигенции в зеркале газеты “Дни”» [13, с. 1]. Просто смешной, даже не парадоксальной, является описанная псевдонимом Iwas статья «Мания величия» [25], в которой доказывалось, что И. А. Бунин списался за последние пять лет и всегда был плохим писателем, а эмиграции уже ничего создать не сможет.

Превзошел всех сменовеховцев журналист, публицист, бывший меньшевик Борис Вячеславович Дюшен (1886–1949). После реэмиграции он был арестован и стал главным инженером специальной научно-исследовательской лаборатории НКВД–МГБ СССР и даже лауреатом Сталинской премии. В своей статье «Изгнание интеллигентов» [12] он рассуждал о скандальной высылке ученых из России в 1922 г. (т. н. философский пароход) и сравнивал ее с остракизмом Древней Греции. Б. В. Дюшен убеждает читателя, что все высланные ученые и общественные деятели — потенциальные и очень опасные антисоветские заговорщики. Общий вывод публициста — бессмысленность и бесплотность деятельности высланных в эмиграции:

На первых порах кое-кто и соблазнится их шумихой, но присутствуя при явлениях неизбежного развала эмигрантщины, видя ее бессилие, все здоровое от нее отшатнется. Такова ведь судьба всех эмиграций, непреложная как природы. Призрак интеллигентской контрреволюции заманчив лишь издали, и пока он не воплощен и оваян романтической тайной. Пусть «повоюет» на просторе, и всем станет видно, что знамена ее взяты напрокат от бутафора, личина размалевана под маску благородного негодования, мечи — картонные [12, с. 3].

Принципиальной позицией сменовеховцев был призыв к возвращению русских эмигрантов на Родину для служения народу в рамках «общности судьбы». Именно этим и своей оголтелой критикой эмиграции сменовеховцы более всего нравились большевикам. В. И. Ленин рассчитывал на раскол единого фронта антисоветской эмиграции, поэтому большевики целенаправленно финансировали прессу сменовеховцев. Благодаря политике «возвращенчества» в СССР вернулось около 150–180 тыс. эмигрантов, почти все они к концу 1930-х гг. были репрессированы. Сменовеховство часто путают с другим общественным течением — «возвращенчеством», одним из самых известных военных-возвращенцев был белый генерал Я. А. Слещов.

Большинство вернувшихся на Родину сменовеховцев продолжали обличать эмиграцию уже в СССР. Особенно хочется выделить публикации бойкого полемиста А. В. Бобрищева-Пушкина. Многие идеи эмигрантского периода, напечатанные в «Накануне», вошли в его книги с символическими названиями «Патриоты без отечества» [9] и «Война без перчаток» [7]. Тем же занимался и сменовеховец из Эстонии В. М. Белов. Первую книгу — «По новым вехам» [6] — он написал еще за границей, а остальные — уже в Советской России: «Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность: (Материалы для

будущего историка)» [4], «Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье: Опыт. исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время» [5]. Основные постулаты сменовеховцев вошли в официальную советскую пропаганду, как и обоснование бесполезности и бессмысленности эмиграции. Уже глава «Госиздата» Н. Л. Мещеряков благодаря выводам сменовеховцам написал: «Кто может прийти на смену большевикам? Наша белогвардейская эмиграция. Но это — враги России, радующиеся ее страданиям» [16, с. 267].

Почти все сменовеховцы, вернувшиеся на Родину, были репрессированы, но их книги, статьи и мемуары, направленные против эмиграции, стали основой советской критики Русского зарубежья. В 1960–1970 гг. работы сменовеховцев стали доступны советским исследователям, занимавшимся историей эмиграции, повлияв на официальную оценку роли отечественной эмиграции и представителей культуры и науки Русского зарубежья. На сменовеховские работы, обличающие эмиграцию, ссылались почти все советские исследователи Русского зарубежья: А. Л. Афанасьев, Л. К. Шкаренков, Ю. В. Мухачев, Г. З. Иоффе, В. В. Комин, Г. Ф. Барихновский, В. В. Сонин и др.

Большинство прогнозов сменовеховцев оказались ошибочными. Русская эмиграция не разложилась и не вымерла в начале 1920-х гг. Потомки эмигрантов первой «волны» до сих пор живут в зарубежье и считают Россией своей Родиной. Русская культура за границей не только сохраняла традиции Золотого и Серебряного веков, но и развивалась, поднявшись на самый высокий мировой уровень. Достижения наших соотечественников во всех сферах науки и культуры являются украшением русской истории. Вместе с тем конъюнктурные мифы, созданные сменовеховцами, до сих пор живы и волюнтаристски используются публицистами левых взглядов для опорочивания уникального феномена мировой истории культуры Русского зарубежья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов А. Русская эмиграция // Накануне. — Берлин, 1922. — 1 июня, № 54. — С. 2–3.
2. Базанов П. Н. Берлинская газета сменовеховцев «Накануне» и русская философская мысль // Вестник РХГА. — 2020. — Т. 21, вып. 2. — С. 134–144.
3. Базанов П. Н. Парижский журнал «Смена вех» и русская философская мысль // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, вып. 3. — С. 361–368.
4. Белов В. М. Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность: (Материалы для будущего историка). — Пг.: Госиздат, 1922.
5. Белов В. М. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье: Опыт. исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. — М.; Пг.: Госиздат, 1923.
6. Белов В. М. По новым вехам. — Ревель: Новая Земля, 1922.
7. Бобрищев-Пушкин А. В. Война без перчаток. — Л.: Кубуч, 1925.
8. Бобрищев-Пушкин А. В. Новая вера // В поисках истины. Русская интеллигенция и Судьба России. — М., 1992. — С. 288–341.
9. Бобрищев-Пушкин А. В. Патриоты без отечества. — Л.: Кубуч, 1925.

10. Гурович А. Патриоты на-изнанку // Накануне. — Берлин, 1923. — 18 янв., № 237. — С. 1.
11. Гурович А. То, что есть // Накануне. — Берлин, 1923. — 19 июня, № 362. — С. 1.
12. Дюшен Б. Изгнание интеллигентов // Накануне. — Берлин, 1922. — 26 нояб., № 195. — С. 2–3.
13. Лик зарубежной интеллигенции в зеркале газеты «Дни» // Накануне. — Берлин, 1923. — 14 февр., № 261. — С. 1.
14. Лукьянов С. С. Революция и власть // В поисках истины. Русская интеллигенция и Судьбы России. — М., 1992. — С. 270–287.
15. Лукьянов С. С. Эмигрантская культура // Накануне. — 1923. — 22 февр., № 242. — С. 1.
16. Мещеряков Н. Новые вехи (О сборнике «Смена Века») // Красная Новь. — 1921. — № 3. — С. 256–271.
17. Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. — М., 2009.
18. Романовский В. К. Николай Устрялов. От либерализма к консерватизму. — Нижний Новгород: ГОУ ДПО Нижегород. ин-т развития образования, 2010.
19. [Соколов С. А.], Русский эмигрант Красная власть и эмиграция // Русская Правда. — 1923. — Март. — С. 5–7.
20. Толстой А. Н. Открытое письмо гр. А. Толстого Н. В. Чайковскому // Накануне. — Берлин, 1922. — 14 апр., № 17 — С. 2.
21. Устрялов Н. В. Две реакции // Смена вех. — Париж, 1921. — № 4. — С. 8–11.
22. Устрялов Н. В. Проблема возвращения // Смена вех. — Париж, 1922. — № 11. — С. 10–12.
23. Чахотин С. С. В Каноссу // В поисках истины. Русская интеллигенция и Судьбы России. — М., 1992. — С. 342–356.
24. Эмиграция с пестиком // Накануне. — Берлин, 1924. — 19 июля, № 131. — С. 1.
25. Iwas. Мания величия // Накануне. — Берлин, 1923. — 20 апр., № 314. — С. 2–3.